

Нин Лань посмотрел на сообщение на телефоне, и из его горла вырвался горький смешок.

Когда он, измученный, добрался до общежития, на улице уже полностью стемнело.

Вечерний ветер раннего лета был прохладен, звёзды мерцали на небе. Нин Лань сел на край клумбы у подъезда и некоторое время смотрел вверх, пока облако не закрыло свет. Затем он поправил воротник, натянул капюшон и, потирая холодные руки, поднялся наверх.

Открыв дверь, он увидел, что свет в гостиной включён, а из кухни доносились звуки.

Нин Лань был так утомлён, что чувствовал: сегодня он не сможет никому улыбнуться. Он обошёл стол, заваленный пакетами с покупками, и направился прямо в свою комнату, но, приблизившись к кухне, услышал разговор Гу Чэнькая и Гао Мина.

— Что это вообще? Кто готовил?

— Наверное, Нин Лань, днём он был один в общежитии.

— Как же это надоело, холодильник и так маленький, а эти тарелки занимают место. Куда мне теперь ставить свои напитки и йогурты?

— Эх... Он, видимо, думал, что мы вернёмся. Давай вытащим, они только мешают.

— Вытащим — куда их девать? Может, просто выбросить?

Нин Лань не хотел больше слушать. Сегодня он уже получил достаточно негатива, и если продолжить, он просто задохнётся. Он поспешил в свою комнату, и, войдя, увидел, что в мусорном ведре у двери лежат две бутылки напитков.

Суй И переодевался, только снял футболку, обернулся и увидел Нин Ланя, который только что вошёл.

Нин Лань выглядел неважно, губы слегка посинели, словно он замёрз, глаза опущены. Он кивнул Суй И и лёг на кровать лицом к стене.

Суй И хотел спросить, что случилось, но подумал, что, возможно, ничего серьёзного. Он взял с стола длинную коробку из пакета с покупками, подошёл к кровати Нин Ланя:

— Не нашёл такую же мазь, но продавец сказал, что эта тоже подойдёт.

Нин Лань слегка пошевелился, повернул голову, взглянул на мазь и протянул руку:

— Спасибо.

Это «спасибо» было странным, подумал Суй И, ведь это он первым воспользовался его мазью.

Нин Лань взял мазь и снова отвернулся, плечи его сжались, лопатки выпирали, выглядел он хрупко и жалко.

Он не улыбнулся, даже ямочки на щеках не показались.

Суй И постоял немного, затем наклонился и накрыл Нин Ланя одеялом, которое лежало в ногах.

Нин Лань вздрогнул и ещё больше сжался.

Суй И хотел спросить, не заболел ли он, но в этот момент дверь комнаты открылась, и внутрь с шутками вошли Гу Чэнькай и Гао Мин. Гао Мин хорошо танцевал и часто помогал Гу Чэнькаю, поэтому они последнее время много времени проводили вместе.

Суй И всё ещё стоял, накрывая Нин Ланя одеялом, и Гу Чэнькай, увидев это, резко замолчал:

— Брат, ты что делаешь?

Суй И выпрямился и повернулся к нему:

— Вещи собрал? Ложись спать, завтра тренировка.

Гу Чэнькай широко раскрыл глаза, словно не мог поверить, подошёл и взглянул на лежащего Нин Ланя. Внезапно в нём вспыхнул гнев, и он пнул Нин Ланя в спину:

— Я же говорил тебе не лезть к моему брату! Ты думал, я шучу?

Он собирался пнуть снова, но Суй И, не ожидавший такого, схватил его:

— Сяо Чэнь, ты что делаешь?

Гу Чэнькай вырвался, не смог ударить, но начал размахивать руками:

— Вставай! Объясни! Думаешь, мой брат дурак и легко даст себя обмануть? Ты же мошенник, позор, бесстыжий!

Суй И был в шоке, смотрел на Гу Чэнькаю:

— Кто тебе это сказал?

Нин Лань медленно сел, лицо его оставалось безэмоциональным. Он встал, надел обувь, и в этот момент из соседней комнаты появился Ван Бинъян, привлечённый шумом, и глупо спросил, что происходит.

Гу Чэнькай вывалил всё, что знал: как Нин Лань якобы заигрывал с его братом, как обманывал его, вымогая деньги, добавляя свои домыслы и фантазии, делая историю ещё более правдоподобной.

Суй И несколько раз пытался прервать, но Гу Чэнькай был в ярости, его невозможно было остановить, и Суй И не мог ударить его.

Нин Лань слушал, и сам почти поверил в это. Его грудь сжималась, словно вот-вот взорвётся. Он не хотел больше ни секунды оставаться здесь, быстро собрал свои вещи из шкафа, сделал два шага, но Суй И преградил ему путь.

— Куда ты? — спросил Суй И, хмурясь.

Нин Лань всё ещё был в капюшоне, поднял глаза и встретился с его взглядом:

— Не волнуйся, я не убегу. Деньги верну.

Суй И был ошеломлён его покрасневшими глазами, и в этот момент Нин Лань протиснулся

мимо него.

— Бинъян, у вас в комнате верхняя кровать починена? — спросил Нин Лань Ван Бинъяна. Он стоял близко, и Суй И услышал, как его голос слегка дрожал.

— А? Да... починена.

Гу Чэнькай повысил голос:

— Ты что, собираешься к ним переехать?

Гао Мин поддержал:

— Я против, не переезжай.

Ван Бинъян подошёл и потянул Гао Мина за рукав, тихо сказал:

— Брат, не надо так... Лань и так живёт с нами.

Гу Чэнькай, скрестив руки, язвительно добавил:

— Гао Мин, Бинъян, будьте осторожны, он не только ворует, но и...

— И заигрывает? — Нин Лань, стоявший у двери, сам закончил фразу.

Он швырнул сумку на пол с громким стуком, затем резко расстегнул молнию на куртке, сбросил её на пол и начал стягивать с себя тонкую футболку.

Нин Лань был худым, и футболка легко соскользнула с плеч, обнажив почти всю верхнюю часть тела.

Он медленно шёл вперёд, шаги его отдавались в тишине комнаты, звук рвущейся ткани смешивался с тяжестью и резкостью, создавая жутковатую атмосферу.

— Ты... ты что делаешь? — Гу Чэнькай поднял голову, но его взгляд выдавал страх.

Нин Лань сделал ещё шаг вперёд, провёл языком по губам:

— Заигрываю с вами.

Холод пробежал по спине Гу Чэнькай, он запнулся:

— Ты... ты мерзкий!

Нин Лань, с обнажёнными плечами и частью спины, продолжал приближаться. Суй И, стоявший сзади, увидел на его спине красное пятно размером с чашку, оставшееся после удара Гу Чэнькай, которое выделялось на фоне бледной кожи.

Дыхание Суй И на мгновение прервалось, как и в тот раз, когда он увидел рану на колене Нин Ланя.

Нин Лань тихо засмеялся:

— Оказывается, вы действительно боитесь, что я вас соблазню.

Комната была маленькой, Нин Лань приближался, и трое стоявших в ряд невольно отступили на полшага, Гао Мин даже ударился о стол, и Ван Бинъян поддержал его. Они не ожидали такой реакции от Нин Ланя, который всегда молча сносил их насмешки, и эта внезапная агрессия их шокировала.

К тому же выражение лица Нин Ланя было необычным: он улыбался, но холод в глазах выдавал его истинные чувства. Он был в ярости, и, возможно, следующей его реакцией станет удар.

Все они были подростками, не изведавшими жизненных трудностей, и такая угроза их напугала. Гу Чэнькай побледнел, он вырос в окружении любви и внимания, и никто никогда не смел так напрямую противостоять ему. Он был в панике, но всё равно пытался сохранить лицо:

— Боюсь? Да ну тебя! Если хочешь драться, давай на улицу, зачем раздеваешься? Педофил, мерзость!

Нин Лань усмехнулся, пожал плечами:

— Кроме соблазнения, я ничего не умею.

Ван Бинъян тоже почувствовал, что ситуация выходит из-под контроля, и шагнул вперёд:

— Хватит ссориться, в общегитии запрещены драки, успокойтесь.

Но это не помогло.

Нин Лань всё ещё стоял там, с полуулыбкой, полунасмешкой. Несмотря на свой хрупкий вид, его прямая осанка и поднятая голова создавали мрачную ауру, которая, даже при его худощавом теле, обёрнутом в лохмотья, вызывала ощущение ледящего холода, а не слабости или абсурда.

<http://bllate.org/book/16833/1565367>